

ФРОНТОВАЯ БИБЛИОТЕКА
КРАСНОФЛОТЦА

Вл. АПОШАНСКИЙ

ЭТО БЫЛО В ИЮНЕ

ВОЕНМОРИЗАТ

1943

ФРОНТОВАЯ БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

ВЛ. АПОШАНСКИЙ

A 76

ЭТО БЫЛО В ИЮНЕ

Пенз. Обл. Б-да
имени
М. Ю. Державина
Читальный зал

УПРАВЛЕНИЕ
ВОЕННО-МОРСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА НКВМФ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1943

35124

С о д е р ж а н и е

Это было в июне	3
Имена героев	34
Бригада храбрых	43

Редактор Григ. Сорокин

Подписано в печать 25/ХII 1942 г. ГМ32030. Печ. л. 2. Печ. зн.
в 1 п. л. 44 640. Уч.-завт. л. 2,06. Заказ № 1846.

Ф-ка юн. книги издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 46

ЭТО БЫЛО В ПЮНЕ

1. Испытание огнем

Лаврененко нервно повел плечом и плотнее завернулся в шуршащую плащ-палатку. Только недавно он был переведен с миноносца в известную всему фронту прославленную бригаду морской пехоты. Сейчас странно и грустно было смотреть, как в дыму и пламени исчезал знакомый и до боли любимый город. С ним, как с кораблем и морем, навсегда связал свою жизнь сверхсрочник Лаврененко.

... К Лаврененко склонился командир взвода, одетый во все армейское, но в черной флотской фуражке, которую он, рискуя подвернуться под пулю немецкого снайпера, ни за что не хотел менять на пилотку или каску.

— Чего не спишь?

— Так, что-то не спится, товарищ командир. О доме сомневаюсь, — ответил краснофлотец, обрадованный его появлением.

— Сомневаешься? — переспросил лейтенант, и добродушная улыбка осветила его лицо. — Неподходящее это занятие для бойца — сомневаться. Будь твердо уверен, что дом сгорел — злее немца бить станешь,

Наступало утро первого дня третьего немецкого наступления на Севастополь...

И только успел Лаврененко задремать, как небо обрушилось на него.

Удар. Еще и еще. Столбы пламени и взметенной вверх земли вставали совсем близко.

Лаврененко инстинктивно пригнулся. Он был первый раз в деле, и ему стало немного не по себе.

Вдруг пуля ударила в его каску и, со звоном ударившись о нее, свалилась к ногам бойца. В дорожной пыли лежало что-то черное, сверкающее на солнце блестками излома. Лаврененко поднял и, ругаясь, отбросил в сторону горячий кусок металла.

Началась артиллерийская подготовка. Весь фронт был в огне. От грома тяжелых немецких орудий вздрогнули серые скалы Балаклавы, осыпались лепестки багряных маков в долине Черной речки, пригнулся к земле иссеченный пулями кустарник Мекензиевых гор, и виноградники совхоза имени Софьи Перовской свернули свои пожелтевшие листья.

На бойцов частей Жидилова, Гусарова, Потапова, Коломийца и Капитохина, удерживающих основные рубежи обороны, обрушился удар немцев.

Оглушенный, полузасыпанный землей, с широко раскрытым ртом, сполз Лаврененко в окоп и уткнулся головой в землю.

Гром разрывов усиливался. Снаряды ложились

совсем рядом, но ничего не произошло, и, преодолев испуг, краснофлотец взглянул на товарищей.

Они лежали на своих местах, молчаливые, сосредоточенные, готовые к бою.

Лаврененко поднялся и только хотел занять свое место, как вдруг страшный удар снова потряс воздух. Черный дым заволок все окружающее. Оглушенный и ослепленный, Лаврененко успел заметить, как лежавший у пулемета сержант схватился за бок и, вскрикнув, перевернулся на спину.

Ужас охватил Лаврененко, и он тяжело сполз обратно в окоп. Где-то вдали послышались нестройные крики и, захлебываясь, как будто стараясь перегнать друг друга, ударили краснофлотские автоматы.

Атака... Лаврененко зажмурил глаза. Он слышал дробь автоматных очередей, крики немцев, стоны раненых. Несколько гранат упало в окоп и взрыло землю.

«Прорвались!.. Забрасывают гранатами!..» Голова гудела от гула. Противная слабость, завладевшая всем его существом, не позволяла ему подняться из окопа. И все-таки Лаврененко понял, что в шуме боя чего-то нехватает.

Молчал станковый. Уверенных длинных очередей пулемета не было слышно.

«Сержанта кончили», — подумал Лаврененко. — Патронов! — услышал он далекий, но знакомый голос автоматчика Базовкина. Но патронов

никто не подносил. Стрельба умолкала. Пьяные голоса приближались.

«Почему не стреляют?» — подумал Лаврененко и снова впал в полузабытье. Вдруг он увидел перекошенное от ярости лицо командира взвода.

— Лежишь? Позор для бойца! — прохрипел командир и перескочил через него. На бегу вырывая кольцо гранаты, он бросился туда, где кипел бой.

«Позор!» Это слово насквозь пронизало сознание Лаврененко, и он, забыв про все, бросился туда, где то взлетали, то опускались приклады, откуда слышались одиночные выстрелы и хрипящие умирающих.

Около станкового пулемета, сиюсь повернуть его в обратную сторону, возились четверо немцев.

Граната взорвалась прямо под их порыжевшими сапогами, и в ту минуту, когда вторая волна оцетинившихся штыками немцев появилась на бруствере, чтобы окончательно смять и захлестнуть передовую линию обороны, в упор ударил, заговорил полным голосом молчавший до сих пор станковый пулемет. Живее заходили приклады в руках ободренных внезапной поддержкой моряков, и никто из пытавшихся спастись бегством немцев не ушел из глубоких русских окопов.

Лаврененко косил врагов из раскаленного пулемета. Он спокойно, словно всю жизнь занимался этим делом, ловил коротким стволом пулемета

та немцев, то карабкающихся вперед, то уползающих.

Когда атаки затихли, Лаврененко расправил одеревяневшую спину.

— Здорово ты их чесал, товарищ Лаврененко, — с уважением произнес почерневший, потерявший в бою свою флотскую фуражку, командир взвода. — К награде представляю, — и крепко пожал онемевшую руку Лаврененко.

Лаврененко поглядел за бруствер окопа. Освещенные холодным светом луны и трепещущими вспышками ракет, уткнувшись лицом в землю или запрокинувшись и уставив в небо невидящие свои глаза, лежали те, кто хотел прорваться в Севастополь.

— Славная работа, — подтвердил командир взвода. — Ты выдержал, Лаврененко, испытание огнем.

2. Бронебойщики

— Быть бронебойщиком опасно. Для этого нужно иметь мужество и уметь презирать смерть. Кто хочет защищать Севастополь с противотанковыми ружьями в руках, два шага вперед!

Ряды заколебались и расстроились.

Когда все пришло в порядок и шеренги подравнялись, комиссар увидел, что впереди стоят лучшие люди его роты.

...Наступление ожидалось со дня на день. Корабли подбрасывали боеприпасы, новую технику:

Люди усиленно готовились отразить третий штурм.

И вот бой за Севастополь начался.

На второй день наступления немцы бросили в атаку полчища танков.

Желто-черные, приземистые, подвижные, они были похожи на стадо диких кабанов. Выставив вперед клыки орудий, роняя на ходу, словно пену, клочья огня и дыма, неслись они напролом к синюющей вдали Северной бухте.

Немецкие танки прорвали завесу заградительного огня и вклинились в передний край нашей обороны. Едва поспевая за несущимися вперед машинами, бежали фашисты, и казалось, что не было силы, способной остановить эту лавину.

И когда уже расширившиеся от возбуждения и алкоголя глаза немецких танкистов не видели перед собой ничего, что могло бы преградить их путь, откуда-то из-за куста сухо, почти неслышно треснул одиночный ружейный выстрел, другой, третий...

Два головных танка внезапно замедлили свой бег и остановились. Почти сейчас же из люков и смотровых щелей выплеснулись и затрепетали на ветру языки пламени.

И сразу вражеская лавина дрогнула, замерла и внезапно повернула вспять. Врассыпную, еще быстрее, чем вперед, бросая оружие, бежали обратно немецкие солдаты. Танкисты с воплями выбрасывались из танков. Вслед им гремели выстрелы. Немцы падали и больше не вставали.

Однако один крупный зарвавшийся танк ни за что не хотел поворачивать обратно. Ломая деревья, подминая под себя кусты, повернул он на выстрелы и лез напролом, желая смять невидимого врага гремящими гусеницами.

Сто пятьдесят, сто метров. Пересиливая волнение, Гладышев приложился и выстрелил.

Он не мог промахнуться. Он это знал, но тяжелый танк не прекращал движения. Внезапно пламя сверкнуло из дула его орудия. Огненный бич стегнул куст чуть правее Гладышева. Ветки и комья земли посыпались ему в лицо.

«Ах, так?!» И снова патрон вставлен в ствол, и снова гремит безрезультатный выстрел. А гусеницы танка уже нависают, наваливаются над окопом, в котором сидит Гладышев. Еще секунда и... и тогда снизу, уткнув дуло ружья в живот гроыхающего сверху танка, не тронувшийся с места Гладышев последний раз нажимает спусковой крючок.

Крякает и пылает внезапно осевший набок танк, и чуть не на голову Гладышеву высыпаются из танка фашисты и падают все до одного, скошенные пулями Новикова и Филиппова.

— Не может этого быть, чтобы наша сталь не взяла их брони, — сказал вечером Гладышев поздравлявшему его с победой комиссару.

3. Люди и корабли

Все, кто был в эти дни в осажденном городе, знают имя этого корабля. Да, имя, а не назва-

ние. Этот корабль жил и боролся, как живой человек, как герой, пять букв фамилии которого с честью носит он на своих бортах.

Ничего, что команда на этом выдавшем виды корабле состояла не из кадровых военных моряков. Молодые ребята каботажного плавания из Николаева, старые моряки, побывавшие в зарубежных рейсах, эти люди по-настоящему любили свою родину. Они видели много портов, бухт и гаваней во всех углах мира, но никогда их лица не расцветали в такой счастливой улыбке, как при виде жемчужин Черного моря — Одессы и Севастополя.

Севастополь в осаде! Севастополю надо помочь! И снова, в который уже раз, идет в очередной рейс тяжело груженный корабль. На пути много опасностей: самолеты, подводные лодки, торпедные катера немцев подстерегают советские транспорты в открытом море.

Ну, что ж! Севастополю нужна помощь! И ровно работают машины, и зорки глаза вахтенных на мостике.

«Серов» идет курсом на Севастополь!

Преодолев опасности, отбив атаки и налеты, уклонившись от торпед, огневой завесой разрывов прогнав стервятников, подходит, наконец, корабль к воротам Южной бухты.

Казалось, корабль уже дома. Все в порядке, но здесь-то и начиналось самое главное.

Подобравшиеся к Каче немцы из тяжелых орудий обстреливали вход в бухту. Торговому ко-

раблю нужно было форсировать огневую завесу, ворваться в бухту.

На «самый полный вперед» указывала стрелка машинного телеграфа. Вставали столбы разрывов у самого борта, окатывая палубу пенистыми валами.

Вот и стенка. Укрытие от снарядов. Лихорадочная разгрузка.

Ящики с боеприпасом — это тебе, Гитлер, за Одессу! Противотанковые пушки — за Николаев! Автоматчики, весело сбегаящие по гнущимся сходам и с марша вводимые в бой, — за Херсон!

Теперь взять раненых и — в обратный путь. И так день за днем.

Однажды в порту тридцать немецких летчиков выследили «Серова» и решили сделать его своей добычей.

Самолеты, тяжелые и грузные, один за другим заходили и пикировали на него из-за облаков.

Выгрузка продолжалась. Третий помощник капитана бегал по кораблю и торопил людей, и без того уже сгибающихся под непосильной тяжестью грузов.

— Скорей, скорей! — кричал он, не обращая внимания на выстрелы и взрывы, от которых вздрагивал весь корабль. — Запаздываем.

Порт, в который попала предназначенная для корабля бомба, уже пылал. Языки пламени уже лизали борт корабля. А выгрузка все продолжалась. Гремели выстрелы, и возле самых крыльев

пикирующих на корабль бомбардировщиков вспыхивали яркие звезды разрывов.

И вдруг бомба попала прямо в нос корабля. Дым и пламя... Потоки воды. Оседая на правый борт, струной натянув стальные тросы швартовов, корабль, как загнанная лошадь, павшая на передние ноги, носом лег на грунт бухты.

— Погиб «Серов», — качали головами бывалые сигнальщики с брандвахты, наблюдавшие за этим неравным боем.

— Погиб «Серов», — говорили бойцы морской пехоты, со своих далеких позиций видевшие клубы черного дыма, поднимавшегося над знакомым силуэтом судна, и еще яростнее били по немецким окопам.

Но на другой день севастопольцы на месте, где накануне лежал подбитый «Серов», ничего не увидели.

— Наверное, добились... Совсем затонул? — тревожно спрашивали они у вахтенных сигнальщиков.

— Нет, не совсем, — отвечали им краснофлотцы, и в глазах их вспыхивали лукавые искорки.

Несколько дней спустя Севастополь снова услышал залпы тяжелых орудий и увидел всплески воды, встававшие на пути судна, прорывавшегося на внутренний рейд.

— Не может быть?! Мне кажется, я вижу «Серова»! — воскликнул один из моряков.

Да, это был он.

Флаг гордо развевался на его гафеле.

— Нет, не все еще кончено, — сказали черноморцы и вставали «смирно», опустив руки по швам и равняясь на проходивший мимо героический корабль.

Задымленный, поднятый со дна моря «Серов» пробыл в Севастополе под непрерывной бомбежкой самолетов целый день. И, задыхаясь в удушливом дыму, люди «Серова» разгрузили его, приняли раненых и ушли на Большую землю, чтобы скорее вернуться вновь.

Такова далеко не полная история славного корабля «Серов». Его имя с уважением и благодарностью произносят севастопольцы.

* *
* *
*

Около Угольной пристани, замаскированное деревьями и брезентом, стаяло нечто серое и бесформенное. Долгое время фашистские летчики, пронесившиеся на бреющем полете над бухтой, не могли разглядеть этот маленький, смелый, стоящий в бухте со специальным заданием военный корабль.

Камуфляж. Это была единственная надежная защита тральщика.

Старший лейтенант Кокка и старший политрук Цыганков днем и ночью находились на мостике, ожидая внезапного нападения.

И вот сигнальщик доложил:

— Самолеты!

Два «Мессершмитта» низко прошли над кораблем.

«Заметили! Вызовут бомбовозы», — подумал каждый, но не сказал ни слова, чтобы не беспокоить товарищей.

И точно. Через полчаса со стороны Инкермана показалось девять бомбардировщиков. Они шли стороной, словно им не было никакого дела до притаившегося в ожидании атаки тральщика.

Выйдя на траверз корабля, бомбардировщики резко развернулись, ведущий перешел в крутое пике, и первая бомба подняла неподалеку белый столб воды.

Много самолетов шло в атаку на корабль, много бомб было сброшено. Наконец, одна из них достигла цели. Страшный взрыв смел всех находившихся на мостике, сбросил вниз на железную палубу.

Старший лейтенант еле поднялся и огляделся. Неподалеку лежал мертвый комиссар Цыганков. Каюты, мостик, надстройки пылали. Слышались крики и стоны раненых.

Определив, что пламя подбирается к погребам с боезапасом, старший лейтенант командовал:

— Затопить погреба! Лишним — с корабля!

Команда покинула пылающий, как факел, корабль. Смелый комендор затопил погреб. «Мессеры» летали над кораблем и били в упор по укрывавшимся за глыбами угля людям.

Считая, что дело сделано, самолеты повернули на север. Но опытным командирским глазом

старший лейтенант видел: погреба затоплены, самолеты улетели, корабль можно спасти.

— Всем на корабль!

И началась борьба горсточки израненных, чудом уцелевших от бомб и пуль людей с бушевавшим пожаром.

Наступило утро.

— Разрешите вести корабль в порты Большой земли, — доложил старший лейтенант контр-адмиралу.

Контр-адмирал хорошо знал и любил розовощекого старшего лейтенанта. При нем Кокка прошел суровую школу службы на тральщиках во всех должностях — от минера до командира корабля. На его глазах формировался характер командира, и контр-адмирал знал, что можно верить этому юноше с душой настоящего моряка.

— Компас у вас есть? — спросил он, вспомнив, что командирский мостик начисто сгорел.

— Достанем компас, — быстро ответил старший лейтенант.

— Рулевое управление цело?

— Вышло из строя, но я управляюсь машинами.

— Оружие?

— Уцелела одна винтовка у дневального, остальное сгорело.

Контр-адмирал еще раз посмотрел на юношу, решившегося идти на обгоревшем обломке в рейс, из которого не всегда возвращались хорошо снаряженные суда.

— Идите, — сказал контр-адмирал и, немного помедлив, обнял и поцеловал молодого командира. — Желаю вам счастливого плавания.

И тральщик пошел. С компасом, привязанным к обожженной, искривленной мачте, вооруженный одной винтовкой.

Старший лейтенант стоял на юте и передавал команды в машины через переговорные трубы. Штурман Львов по солнцу, по звездам, по памяти, по ему одному известным ориентирам вел корабль через минные поля прямо к цели.

На второй день их ждало новое тяжелое испытание. Тридцать фашистских самолетов обнаружили их в море и обрушились на изуродованную коробку.

Неслышимые в гуле взрывов трещали одиночные выстрелы из винтовки, и Кокка, зло глядя на хищников, чуть не задевавших крыльями за мачту, командовал: правая вперед, левая назад, обе стоп. И увертывался от сбрасываемых бомб.

Но, видимо, в бою погибают только трусы. Храбрые выживают. Улетели опустошившие свои бомбодержатели самолеты. Штурман точно рассчитал курс, и корабль с развевающимся обгорелым флагом, корабль, который уже никто не ждал увидеть, тихо пришвартовался в знакомом порту.

На этом корабле были мужественные советские патриоты, настоящие севастопольцы!..

В дни июньских боев в Севастополе было место, где подвиги совершались ежеминутно, где героизм стал повседневным и обыденным явлением. Это был Херсонесский аэродром.

Ровное поле, покрытое короткой пожелтевшей травой, белый палец упирающегося в голубое небо маяка, море, издали не различимое от неба, пыльные трассы дорог, гул своих и чужих моторов в воздухе, «Яков» и «Мессеров», сплошная воздушная карусель, черные столбы дыма от взрыва, — «Юнкерсы» бьют с воздуха, а немецкие орудия бьют с захваченных фашистами высот прямо по капонирам — таков аэродром июня тысяча девятьсот сорок второго года.

Отсюда в расстегнутых комбинезонах — жара! — вылетали замечательные герои второй севастопольской обороны Ефимов, Алексеев, Авдеев и другие.

Здесь испытанные севастопольские летчики, имевшие на счету не менее пяти сбитых немецких самолетов, впервые приветствовали скромного, ранее незаметного среди других краснофлотца-тракториста Падалкина, ибо храбрость, где бы она ни была проявлена, в воздухе или на земле, одинаково уважается отважными сердцами.

— Поздравляем, — говорили краснофлотцу майоры и полковники, скользнув взглядом по ордену Красной звезды, сиявшему у него на

груди. И жали грубую, отвердевшую от баранки трактора руку Падалкина.

Однажды немцы, рассчитывая уничтожить на земле все наши самолеты, нанесли жестокий бомбовой удар по аэродрому.

Когда, уходя от бомб в небо, взмыли «Яки» и «Миги», Падалкин работал на аэродроме. Трактором и железобетонным катком он заравнивал возникающие на летном поле воронки.

Два «Юнкерса» из двадцати выбрали трактор Падалкина своей мишенью. Бомбы падали то тут, то там. Но тракторист не ушел со своего поста. Он влез в люк тяжелого железобетонного катка и переждал бомбежку. Когда улетели гансы и над изрытым полем аэродрома появились наши не имеющие возможности приземлиться самолеты, Падалкин вылез, посмотрел на оспины, сделанные осколками в бетоне катка, на пробитый радиатор трактора, пригнал новую машину и за несколько минут обеспечил возможность посадки всем самолетам.

— Мне-то что, — говорил он после своим товарищам. — Только прямое попадание могло вывести каток из строя, а вот трактор действительно жалко.

На это порыжевшее поле каждую ночь, не смотря на ожесточенный обстрел, прилетали стаи «Дугласов». Рокоча и рассыпая искры, они садились, выгружали боеприпас, забирали раненых и через час улетали обратно.

Майор Попов руководил посадкой раненых.

Они шли, опираясь на товарищей. Тяжело раненных несли санитары. Снаряды взрывали землю неподалеку, раненые пригибались. Залегали. Они снова переживали ощущение боя.

Однажды последний двадцатиместный «Дуглас» был заполнен, и уже бортмеханик закрывал двери, когда к самолету поднесли раненного в голову комиссара известной на фронте части морской пехоты.

— Места нет, — ответил бортмеханик.

— Кладите на мое место, — сказал безногий краснофлотец и, опираясь на костыли, неловко выбрался из кабины. — Я знаю этого комиссара. У него золотая голова. Она нужна нам для победы, — добавил он и, ковыляя, исчез в ночи.

Не проходило часа, чтобы над аэродромом не закипали воздушные бои.

...Только что закончился молниеносный воздушный бой. В сева­стопольском небе над морем схлестнулись трое наших и девять немецких машин.

Двое из трех наших летчиков были Героями Советского Союза, а третий имел на своем счету уже четырех срезанных гансов.

Девять фашистских летчиков возлагали свои надежды только на численное превосходство.

Несколько крутых виражей, рокот очередей, вспыхнул «Мессер» и упал в море. Восемь «Мессеров» кинулись наутек. Запыхавшийся Авдеев, провожавший свою раненую машину, строго наказывал механику:

— Смотрите же, поторапливайтесь, мне к вечеру в бой надо.

— Будет сделано, товарищ Герой Советского Союза, — уверенно ответил механик и, поддерживая избитое крыло, увел машину.

* * *

К только что приземлившемуся самолету подезжает санитарная машина. Из истребителя выпрыгивает старший лейтенант Акулов и снимает простреленный шлем.

Капли крови катятся по его лбу.

— В рубашке родился, — произносит он и вытирает пот и кровь. Фашисту повезло меньше, чем мне, и боюсь, что в этом виноват я, — улыбается Акулов и кивает головой на море. — Теперь, наверное, докладывает морскому царю о своем неудачном вылете. Это мой пятый крестик, — добавляет Акулов. — Завтра снова полечу выжигать клопов с Северной стороны.

Мы видели, как в сумерки наши штурмовики, чуть не цепляясь за обгоревшие трубы разрушенных зданий, пролетали над безлюдными развалинами города и прямо с Приморского бульвара с особым глухим гулом выбрасывали свои разноцветные тяжелые снаряды на Северную сторону. Константиновский рavelин, Инженерную пристань, где в щелях засели фашисты.

Навстречу нашим самолетам били немецкие зенитки, а наши снайперы, засевшие на другой стороне бухты в окопах, расположенных на тер-

ритории бывшего морского госпиталя, Павловского мыска, пристани Третьего интернационала, пулеметными очередями заставляли их замолкать.

Сделав свое дело, штурмовики уходили. Тогда на огневой рубеж выходили сопровождавшие их «чайки» и короткими пулеметными очередями косили гитлеровцев.

Мы видели, как однажды на наших штурмовиков налетела стая «Мессершмиттов». Двадцать пять против пяти. Штурмовикам приходилось туго. Один из них, окруженный со всех сторон истребителями, вздрогнул и рухнул в Северную бухту, поднимая столбы воды и языки пламени.

Тогда, очевидно, решив отомстить за смерть товарища, один из краснозвездных самолетов развернулся и бросился в самую гущу «Мессеров».

Как грозный мститель, он врехался в стаю врагов. Один за другим рухнули на землю два вражеских истребителя. Отважный летчик, делая крутые горки, пикируя до земли, продолжал бой. Еще два «Мессера» поджег он. И только тогда исчез за облаками.

Мы не знаем тебя, герой, но верим, что ты был настоящим севастопольцем.

5. Подвиг краснофлотца Чекаренко

Кроваво-красное солнце заволакивалось дымом пожарищ. Двадцатый день боев был в самом разгаре. Свыше ста немецких самолетов одно-

временно находилось в воздухе и, непрерывно пикируя один за другим, обрушивали тонны взрывчатого вещества на наши передовые позиции.

Вслед за бомбовым ударом снова и снова шла в атаку немецкая пехота и, обескровленная, откатывалась обратно.

К вечеру ценой огромных потерь немцам удалось вклиниться в переднюю линию обороны.

Командование поручило комсомольцу-кладовщику Александру Чекаренко взорвать наш военный объект.

Громкая штольня терялась в полумраке. У стены было слышно равномерное тиканье часового механизма взрывателя, установленного на заранее назначенный час. Боец должен был следить за работой часового механизма и в последний момент перед взрывом покинуть штольню.

Стрельба разгорелась, а затем внезапно утихла. Обеспокоенный Чекаренко выглянул из штольни. Прорвавшиеся пьяные немецкие солдаты бежали к штольне, слышались лающие команды немецкого офицера.

Еще несколько минут — и все будет кончено. Взрыв опоздает.

Бежать?.. Но тут перед Чекаренко возникли светлые образы героев дзота № 11. Он вспомнил слова присяги и, сжав зубы, пересилив нервную дрожь, бросился обратно в штольню.

Не бывать этому!

Дрожащими от нетерпения руками Чекаренко

нащупал в полутьме часовой механизм взрывателя и резким движением соединил контакты.

Грянул удар, от которого зашаталась земля. Как в лихорадке, вздрогнули прибрежные скалы, бухта вспенилась от посыпавшихся в нее камней. Взрыв был так силен, что осколками и камнями ранило несколько человек на другой стороне бухты.

Геройски погиб верный сын родины, двадцатидвухлетний комсомолец Александр Чекаренко. Свято выполнив свой долг, он унес с собой около двухсот жизней ненавистных фашистских захватчиков.

Его смерть была прекрасной победой.

Родина не забудет тебя, отважный краснофлотец. Твоя семья и твои товарищи будут гордиться тобой!

Новые прекрасные здания будут воздвигнуты на месте пожарищ Севастополя, у самого моря, которое ты так любил, и там среди других памятников будет воздвигнут памятник и тебе, Александр Чекаренко, славный черноморец!

6. Город в осаде

Блокада сжимала Севастополь, лишала воды, пищи, света, разбивала здания, сжигала все, что могло гореть.

Но до последнего дыхания, до последнего двухсотпятидесятого дня обороны город дрался,

умирал, стоя лицом к врагу, нанося ему страшные удары.

Мы и раньше крепко любили тебя, Севастополь, твои причудливые ступенчатые, похожие на корабельные трапы улицы, исторические места и могилы, голубые бухты.

Но теперь мы любим тебя еще сильнее, мы преклоняемся перед твоим мужеством и выносливостью.

Те из жителей Севастополя, кто остался в городе до последнего его дыхания, кто помогал ему биться с врагом, должны разделить воинскую славу с доблестными защитниками Севастополя.

Они были бойцами. Они работали на фронте и для фронта.

В этом городе все знали штольню «Спецкомбината», давшего севастопольцам все для обороны. Здесь работала орденосеица Чаус — женщина, отказавшаяся покинуть завод, когда ей бомбой оторвало руку, выздоровевшая, ставшая к станку и выполнявшая норму двух здоровых. Здесь работали многие другие славные люди Севастополя.

Каждый день фронтовые, тяжело груженные автомобили увозили из штольни ящики с готовой продукцией — минами, гранатами и минометами.

Но однажды, в конце июня, немецкие автоматчики, просочившиеся сквозь линию фронта, захватили бухту «Голландия» и открыли ураганный

огонь по находившемуся на другой стороне бухты входу в штольню.

Несколько женщин и детей забились в судорогах, срезанные пулями фашистских извергов. К заводу нельзя было подойти. Ящики с минами лежали у входа, и никто не осмеливался выйти для погрузки.

И тогда прибежал к комиссару «Спецкомбината» известный всему заводу инженер Теличев и сказал, дрожа от волнения:

— Я собрал товарищей, желающих драться с немцами. Разрешите создать минометную батарею.

И батарея была создана. Свои минометы, свои мины, свои минометчики!

Три полковых миномета были расположены за плотном железной дороги, увозившей когда-то севастопольцев в Москву. Стрельбой руководил военпред завода Заболотный, корректировал огонь выбравшийся из штольни, несмотря на строжайшее запрещение комиссара лично принимать участие в бою, Теличев.

В морской бинокль было хорошо видно, как на противоположном берегу из-под старого, вздымавшего к небу почерневшее ребро шпангоута, полуразвалившегося барказа выглядывала замаскированная маленькая скорострельная пушка. Вокруг нее, стараясь слиться с зеленым подстриженным кустарником, обрамлявшим берег, суетились люди. С тонким ноющим свистом при-

лётали снаряды и, калеча автомобили, поджигая ящики с минами, рвались у входа в штольню.

— Огонь! — скомандовал Заболотный.

Широкие глотки трех минометов выплюнули пламя и дым.

— Недолет. Разрывы в бухте, — прокричал наблюдавший за падением мин Теличев.

— Прицел 45, — крикнул Заболотный. — Огонь!

У минометов суетились рабочие завода, стахановцы, изобретатели. Они быстро устанавливали прицелы, снаряжали мины и опускали их в гладкие трубы минометов.

Вслед за третьим залпом черное облако разрывов затянуло барказ. И когда осел дым, Теличев, от радости прикусив губу, увидел: перевернутая вверх колесами, лежала, уткнувшись разбитым стволом в землю, немецкая пушка. Уцелевшие немцы прятались в кустарнике.

Давно уже не испытанное чувство ликования охватило Теличева.

— Все в цель. Огонь! — крикнул он. Стальные трубы рожденных им, инженером, минометов безотказно выполнили его команду. Мины, словно угадывая его желанья, ложились прямо на головы немцев, не ожидавших такого удара.

Рабочие стали воинами. По гитлеровцам били минометы, сделанные ими. Только сегодня обточенные и снаряженные их руками мины на куски рвали фашистов.

Фашисты открыли огонь из автоматов. Пули,

вздымая фонтанчики пыли, ударялись в железно-дорожную насыпь, звенели о рельсы. Некоторые из рабочих дрогнули, пригнулись, но, видя, как спокойно и прямо стоит корректирующий огонь, раскрасневшийся от возбуждения инженер Теличев, поднимались. Растерянность сменялась уверенностью, и снова безостановочно гремели залпы первой севастопольской рабочей минометной батареи, поражающей фашистов.

Огневые точки немцев в бухте «Голландия» были подавлены. Тяжело груженные машины с боеприпасом снова несли фронту все необходимое для продолжения жестокого боя.

* * *

Еще до войны работала она на почте и с утра до вечера бегала по городу, разнося по квартирам приносящие радость и слезы телеграммы.

Началась война. Два бешеных немецких штурма отбили севастопольцы, шел восьмой месяц осады города, но попрежнему бесперебойно работали почта и телеграф и аккуратно доставлялись полученные телеграммы.

Часто на обезлюдевших, разрушенных улицах Севастополя можно было видеть маленькую старушку Заруцкую, разыскивающую в подвалах и бомбоубежищах оставшихся в живых адресатов.

— Уезжайте, — неоднократно говорили ей.

— Зачем? — отвечала она. — Нигде никого у меня нет. Здесь я нужна. Не поеду.

В начале июня взбешенные стойкостью сева-

стополецев немцы решили уничтожить город. Сотни самолетов низко летали над зданиями и сбрасывали тяжелые бомбы. Город пылал.

В один из таких, страшных даже для бывалых моряков дней, когда никто не решался высунуть голову из глубоких щелей и штолен, Заруцкая, спотыкаясь о камни и доски, пробиралась по обугленной улице Фрунзе.

Кругом свистели бомбы, а она шла вперед и несла телеграмму раненому ответственному работнику, лежавшему в штольне на покрытой шинелью койке. Ему нужно было ехать на Большую землю, об этом постоянно напоминали ему его друзья и подчиненные, но разве мог он оставить свой город, народ в бомбоубежищах, зеленеющие скверы.

И, лежа на койке, он отдавал распоряжения о восстановлении хлебозавода, о доставке муки в бомбоубежища, о борьбе с дизентерией.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал секретарь.

Запыленная, обгоревшая, вошла Заруцкая и протянула ответственному работнику телеграмму.

Он жадно схватил ее, пробежал и, радостно вздохнув, откинулся на подушки.

— Наградили орденом Ленина! — произнес он. — В Москве не забывают севавтопольцев, — и спросил Заруцкую: — Как вы пробрались к нам?

— Очень просто. Нужно было, вот и пришла. Отметьте, пожалуйста, срок получения.

И проверив, правильно ли отмечены часы и минуты, Заруцкая выскользнула из двери.

В конце июня на обезображенных улицах города-героя жители встретили отважно пробирающуюся вперед, не обращавшую внимания на охотившихся за пешеходами «Мессеров» Заруцкую. Она несла на плечах набитый домашним скарбом мешок. Рядом с ней шла какая-то женщина.

— Уезжаете? — спросил один из сева­стопольцев.

— Нет, что вы, кто же будет телеграммы носить? — удивленно ответила Заруцкая. — Просто помогаю знакомой перебраться в другой подвал, старый разбомбило. — ответила эта маленькая женщина, незаметная героиня, одна из тех, кто на века прославил себя в Севастополе.

* * *

Секретарь горкома партии Борисов внимательно посмотрел на редактора.

Худой и согнутый редактор напоминал тяжело больного, готового свалиться и больше не встать, но секретарь горкома партии знал, что в этом болезненном человеке заложена громадная внутренняя сила, позволяющая ему работать за троих и требовать максимального напряжения сил от сотрудников.

— И все-таки «Маяк коммуны» должен завтра выйти в свет, товарищ Суковский, — повторил секретарь и встал.

Суковский поднялся тоже.

— Да, не забудь тиснуть передовую о разрушении панорамы. Весь город должен знать о новом злодеянии немцев, — услышал он голос Борисова.

Суковский вышел из бомбоубежища. Еще курился кинотеатр «Ударник». Земля была покрыта белыми пятнами сгоревших зажигательных бомб.

Суковский прошел по разрушенной улице. Только что закончился налет. В подъезде бывшего гастрономического магазина в луже крови лежала женщина. Подъехала санитарная машина, увезла раненую.

От сгоревшего за ночь здания типографии еще веяло жаром. Наборщики и печатники ожидали редактора.

— Хорошо, что типографию перенесли в подвал, — подумал Суковский, — но как туда попасть?

Он шагнул к рабочим.

— Товарищи, — сказал Суковский. — Севастополь живет. Газета должна выходить. Немец завалил нас огненными обломками. Но это не может помешать нам. Мы должны расчистить ход в типографию.

Обжигаясь до волдырей, пряча глаза от искр и чада, растаскивали наборщики и печатники еще раскаленные балки, рухнувшие стропила, загоравшиеся вход в типографию.

К вечеру проход был расчищен. В подвале же-

лезобетонный потолок дышал жаром, сверху еще гуляло раздуваемое ветром пламя.

Газета должна была выйти в свет.

И в раскаленный подвал пошли наборщики и верстальщики. Заработали вращаемые вручную из-за отсутствия тока печатные машины, а утром не подозревавшие о муках, в которых рождалась их родная газета, севастопольцы читали свежий номер «Маяка коммуны».

На первой странице, поднимая в сердцах гнев и ненависть, жирным шрифтом было напечатано:

«Смерть немецким захватчикам!»

«Новое чудовищное злодеяние гитлеровцев!»

В Севастополе на знаменитом историческом бульваре стояло здание панорамы первой обороны Севастополя. Панораму знал весь Севастополь. Ее знала вся страна. Ее знал весь мир.

Кругом бушевали пожары, свистели бомбы, падали снаряды, но величайший памятник отваги и мужества русских, вызывавший восхищение даже у врагов, гордо возвышался над Севастополем.

Каждое утро с тревогой смотрели севастопольцы, цело ли здание панорамы, и, увидя, что цело, облегченно вздыхали. Слишком многое было связано у каждого с этой чудесной панорамой, чтобы можно было оставаться равнодушным к ее судьбе.

Вывезти панораму не смогли. Полотно могло не выдержать дороги, — так сказали вызванные

из Москвы специалисты. Тогда решено было не трогать панорамы. На историческом бульваре не возводилось никаких батарей, воинские части не располагались близко от панорамы.

Немцы все это знали, и все-таки вечером двадцать пятого июня, около шести часов по московскому времени, пять «Юнкерсов» начали пикировать на панораму — несколько бомб попали в купол здания и зажгли его.

Но немцам этого показалось недостаточным. С величайшей наглостью и садизмом открыли они по панораме огонь из орудий.

Пять снарядов попало в стену панорамы, довершая разрушение.

Панорама пылала. Священная ненависть охватила сердца севастопольцев.

И бросились командиры и краснофлотцы, чтобы спасти хоть что-нибудь из беспощадного пламени.

Лейтенант Черкасов и бывший доцент Ленинградского научно-исследовательского института капитан Леман прибыли на место пожара, когда огонь уже охватил здание панорамы. Большая часть полотна силой взрыва была сорвана со стены и лежала на полу. Дымящиеся куски драгоценной картины, как тряпки, свешивались с поддерживавших ее крючьев. Потолок горел, в здание входить было опасно.

Но, презирая опасность, бросились в огонь краснофлотцы Волевач, Маметов, Каверин и другие и начали спасать полотно Рубо.

Они сворачивали в трубки куски сухой, вспыхивающей, как порох, материи и выносили их из пылавшего здания.

В первую очередь была спасена часть картины, изображавшая знаменитый штурм Малахова кургана.

Краснофлотец Мещеряков, подставив к стене пожарную лестницу, взобрался на самый верх и, прикрыв одной рукой лицо, другой старался как можно выше вырезать полотно картины, по возможности щадя произведение талантливого художника.

Потолок начал с треском обваливаться. Все покинули здание, но на стене еще оставалась часть картины.

Тогда сквозь дым и пламя бросился младший сержант Шек и, обгоревший, вынес из огня еще часть картины, изображавшую обстрел города эскадрой союзников.

Панорама горела...

Под обвалившейся входной аркой, на чугунном кружеве мемориальной доски сохранилась выведенная славянской вязью историческая дата:

«6-го июля 1855 года».

* * *

Севастополь! Твой светлый образ неотступно стоит перед нами. Доблестно выполнив свой долг, приняв на себя главный удар немцев и

этим сорвав весеннее наступление Гитлера, ты пал в неравном бою, как витязь, покрытый знаменами бессмертной славы.

Твоя героическая борьба служит примером стойкости, военного и гражданского мужества для всей армии, для всего народа.

Севастополь пал..:

Да здравствует Севастополь!

ИМЕНА ГЕРОЕВ

Катер пересек бухту. Человек спрыгнул на берег и пошел на Северную сторону, туда, где не успевая рассеиваться, вздымались все новые и новые клубы дыма.

Смеркалось. Дорога, круто изгибаясь, поднималась в гору. За поворотом он увидел пофыркивающую, готовящуюся отвалить грузовую машину. Расстояние, разделявшее человека и машину, было преодолено в два прыжка.

— Кто такой?—подозрительно спросил загорелый капитан, высунувшийся из кабины, и тщательно проверил документы. Все было в порядке. Морщины недоверия разгладились на лбу капитана, и глаза стали теплее. Он узнал фамилию, выведенную в разрешительном удостоверении. Это был корреспондент флотской газеты.

— Вас интересуют бронебойщики? Вам повезло. Я из этой части, прыгайте в кузов.

Стемнело. Над лесистыми сопками Мекензиевых гор то и дело взлетали ослепительные раке-

ты. Изредка откуда-то сверху, как диковинные молнии, возникали и внезапно прочерчивали темноту разноцветные каскады огненных брызг. Это штурмовики поддерживали пехоту.

Машина резко остановилась.

— Дальше ехать нельзя, — сказал капитан. — За мной...

Глубокая ночь плыла над историческими сева-стопольскими сопками. Разрывы, ложившиеся раньше в стороне, значительно приблизились. Капитан и корреспондент быстро шли вперед по разбитому снарядами полотну железной дороги.

Внезапно послышался угрожающий и злой по-свист немецкого снаряда. Вспышки пламени и ди-кий гул ослепили и оглушили спутников.

Это был огневой налет немцев. Десять, пят-надцать минут, полчаса... Огненный шквал не стихал. Он лишь переместился немного в сторо-ну. Капитан и корреспондент лежали на земле. Через ровные промежутки времени доносилось эхо выстрелов, и затем близкий очередной раз-рыв сотрясал воздух. Пахло травой и свеже-взрытой землей.

Ждать было некогда, и спутники двинулись вперед. Началась запомнившаяся на всю жизнь бешеная скачка сквозь огневой шквал.

Поглощенные одной мыслью во-время уловить момент приближения снаряда, они бежали впе-ред, не разбирая дороги, не обращая внимания на препятствия.

Ежеминутно им приходилось бросаться на зем-

лю и ждать разрыва. Это напоминало охоту на глухарей, с той лишь разницей, что делать перебежки приходилось в минуту затишья, а замирать во время пения неприятельских снарядов.

Покрываясь потом, задыхаясь, они продолжали двигаться вперед. Наступали минуты, когда не хватало воздуха, ноги отказывались служить.

Вдруг капитан, облегченно вздохнув, сказал:

— Ну, добрались, — и, словно провалившись, исчез под полотном железной дороги.

Тут помещался командный пункт части, расположенный под железнодорожным виадуком.

Внутри было темно. Всюду лежали люди, отдыхавшие после жаркого дневного боя.

Корреспондент вынул коробку спичек и встряхнул ее, готовясь зажечь.

— Вы с ума сошли? — зло произнес приглушенный голос, и в ту же секунду кто-то вырвал спички из его рук.

Затем тот же голос, очевидно, отлично ориентирюющегося в темноте человека уже гораздо спокойнее объяснил, что немцы находятся всего в ста метрах. Отсюда они и ведут огонь.

— Выйдем на воздух, — продолжал голос, — я расскажу вам все, что вас интересует о бронебойщиках.

Обладателем голоса оказался младший политрук Колосов, душа роты бронебойщиков и хороший рассказчик. Под свист пролетающих над головой снарядов он рассказал о жарких боях, о мужественных людях части, подпускавших огне-

дышащие чудовища на сто метров и пронизывавших их броню пулями.

Это был рассказ о мужестве, о пламенной любви к родине, о простых героях, отстаивавших советскую землю, родной Севастополь.

Политрук закончил.

— Фамилии? — спросил корреспондент и ощупью раскрыл планшечку с тетрадью. Безотчетное чувство тревоги вдруг охватило его. Свет! Его не было. Но как же в этом чернильном мраке записать фамилии?

Такого с ним никогда еще не случалось. Бывало, что он записывал в свою тетрадь все то, что сообщали ему, при свете костра, при трепетном пламени спички, при тусклом огоньке разгоравшейся при затяжке и вновь меркнувшей фронтовой цыгарки, но сейчас все эти возможности были исключены. Канонада затихла, и зарницы разрывов не освещали неба.

Чрезвычайно важно было точно записать фамилии героев-бронбойщиков, чтобы о них знали Севастополь, флот, вся великая советская страна, с волнением и гордостью следящая за обороной Севастополя. Ведь если перепутаешь, исказишь фамилии, — чувство горечи охватит тех, чьи боевые дела описывались в газете.

Корреспондент вспомнил, как в детстве любил писать с закрытыми глазами. Получалось косо и криво, но все же написанное разобрать было возможно. Он раскрыл посередине свою тетрадь и, нажимая на карандаш, крупно, через всю страни-

цу, вывел продиктованные ему фамилии, переспрашивая у политрука каждую сомнительную букву.

Дело было сделано. Попрощавшись и поблагодарив Колосова, корреспондент направился в обратный путь.

Второй час ночи. На попутном грузовике он добрался до Инженерной пристани. Не успел он подойти к гранитному молу, как его сразу же ослепило пламя. Грохот, в сотни раз более сильный, чем он слышал сегодня, обрушился на его голову.

«Мина, — подумал он и крепко прижал к груди тетрадь, в которой были записаны фамилии бронбойщиков. — Только бы не потерять».

Неумолкавший грохот разносился по бухте. Уже привыкшие к темноте глаза корреспондента постепенно разглядели очертания крупного военного корабля, пришвартованного лагом к стенке Угльной пристани.

Это был крейсер. Грохот нарастал. Эхо выстрелов отдавалось в горах. К раскатам орудийных залпов крейсера присоединился грохот орудий из Южной бухты. Прорвавшиеся в бухту осажденного города корабли своим огнем поддерживали защитников Севастополя.

Эскадра все била и била. Пугливые ракеты взлетали там, куда был направлен этот уничтожающий стальной шквал, зарево вспыхнувших где-то пожаров озаряло горы.

— Вот славно бьют, Там теперь Гитлер, навер-

ное, с ума сходит, — сказал незамеченный ранее, закутанный в плащ-палатку человек, полулежавший на пристани.

— Кто такой? — спросил корреспондент.

— Батареец Иван Бандура. Ранен в руку, добираться до госпиталя, — обстоятельно, с мягким украинским акцентом ответил человек.

— Как вы себя чувствуете?

— Ничего. Я бы ни за что с батареи не ушел, да комбат отправил. Как только зарубцуется, обязательно вернусь к своей пушке.

К пристани подошел рейсовый катер. Корреспондент помог батарейцу взойти на палубу, и они пошли к городу мимо окончивших стрельбу и замерших кораблей.

С бака и юта крейсера доносились негромкие команды, и были видны дружно работавшие краснофлотцы.

— Отдают швартовы, — сказал Бандура.

Через несколько минут грозные силуэты крейсера и эсминцев, выполнивших задание, отделились от пристани и растаяли во мраке ночи.

Светало. Катер рвался вперед. Раненый батарейец и корреспондент сидели рядом.

Они сошли на Телефонной пристани и только успели обменяться прощальным рукопожатием, как вдруг опять раскололось и обрушилось на них свежее предутреннее севастопольское небо. Столбы пенистых брызг взметнулись неподалеку в бухте и затем (в который уже раз в эту ночь!) грохот разрыва донесся до них.

Уцелевшие немецкие батареи открыли ответный огонь по городу.

Снаряд лег неподалеку. Вздвигаемые силой взрыва, поднимались и, кувыркаясь, исчезали в недостижимой высоте обломки только что привезшего их катера. На барже с боезапасом, расположенной возле них, вспыхнуло яркое тревожное пламя пожара.

Сомнений быть не могло. Горел ящик с патронами. Еще несколько секунд и...

Корреспондент вздрогнул. Его тетрадь, имена героев... Как сохранить, как довести в редакцию?

Он оглянулся, ища спутника, и замер от удивления и восторга.

По качающейся сходне баржи, балансируя и, как подшибленное крыло, прижимая к груди раненую руку, навстречу верной смерти бежал батареец Иван Бандура. Как парус, была надута ветром его зеленая плащ-палатка. Репсовые ленточки вились за спиной. Так ходили моряки в атаку. Так навстречу опасности шел черноморец Иван Бандура.

Вот он уже на палубе. Прорываясь сквозь огонь и дым, закрывая здоровой рукой глаза, подбежал он к объятому пламенем ящику. В тот момент, когда, подчиняясь толчку ноги батарейца, горящий ящик уже миновал фальшборт, раздался первый, слабый еще взрыв. Сверкнуло пламя. Огненную дугу описал в воздухе дымящийся ящик и с шипением погрузился в воду.

Все стихло.

Широко раскинув руки, лицом к солнцу и небу, лежал на спине Бандура, и алые струйки крови выбегали из-под его головы и медленно растекались по сосновым доскам палубы...

Канонада затихла. Наступало свежее погожее утро. На безлюдной пристани порта медленно оседала сверкавшая в лучах восходившего солнца пыль, поднятая недавними разрывами. Корреспондент вздохнул, накрыл бескозыркой лицо погибшего и расправил траурный репс ленточек.

Эх, Бандура, Бандура! Не вернулся ты к своей пушке.

Корреспондент, сжимая в руках планшет с заветной тетрадью, начал подниматься наверх по развороченному бомбами каменному трапу.

Со стороны элеватора, находившегося в конце бухты, тянулись густые клубы дыма и слышались глухие взрывы.

Где-то в дыму ревели моторы чужих машин, захлебываясь, рычали скорострельные автоматы, били зенитки, и ежеминутно слышался свист падающих бомб, неизменно заканчивавшийся оглушительным грохотом. У элеватора грузился транспорт. Немецкие самолеты наугад сбрасывали на него пятисоткилограммовые бомбы.

И вдруг из облаков серого дыма раздался дьявольский вой. Резкий, но тихий вначале, он быстро усиливался и переходил в звук, напоминавший тревожный вопль сирены Морзавода.

Тоскливый и угрожающий, волнующий и дикий, он нарастал с каждой секундой.

Упала и разорвалась воюющая бомба: глухо сотрясая почву, ложились обыкновенные бомбы, лаяли зенитки. Корреспондента бросило на землю, оглушило. Когда он очнулся — почувствовал: планшета нет. Палали бомбы, с визгом проносились осколки, камни, а корреспондент, в кровь обливая руки, наконец нашел его.

Корреспондент добрался до редакции, бережно вынул из планшета тетрадь, развернул ее и побледнел.

На густо исписанном листе походной тетради, неузнаваемо детским почерком, причудливо переплетаясь с уже написанным ранее, кривились какие-то непонятные знаки, в которых невозможно было разобрать фамилии славных героев-бронбойщиков.

Корреспондент молча посмотрел на гибель своей работы, добытой такой тяжелой ценой, потом встал и подошел к сидевшему у телефона дежурному краснофлотцу.

— Когда отваливает катер?

— Через десять минут.

— Тогда доложите. Я снова пойду на Северную...

Он опустился на стул возле стола дежурного, уронил голову на руки и сразу же забылся тяжелым, тревожным сном.

БРИГАДА ХРАБРЫХ

Смена белья, тельняшка да трусы, последнее письмо от матери и фотография любимой, крепкие рукопожатия друзей, — и, айда на стенку, на новую службу.

— Куда, ребята?

— Немцев бить. В морскую пехоту.

Разводили руками командиры и комиссары, — что сделалось с бойцами? Дай им только волю, удовлетвори просьбы, и совсем бы опустели корабли.

Отпускали с разбором, только самых смелых, таких, что не посрамят на суше доблести моряцкой.

Перед уходом выстраивались на стенках, на палубах, равнялись на бело-голубое полотнище флага. Прощаясь, взволнованно говорил комиссар, что выпало морякам счастье на сухопутье пронести и увеличивать старинную черноморскую честь, вспоминал матроса Кошку и славных русских адмиралов Нахимова и Корнилова. И в эту последнюю, на всю жизнь памятную, минуту расставания все становились задумчивее и строже.

Замирали прощальные шутки. Снявши бескозырки, прощались краснофлотцы с кораблями и стройными рядами, плечо к плечу скрывались вдали.

Так много лет назад покидали их деды и прадеды палубы многопушечных корветов и шли в бой против иноземцев, создавая немеркнущую

славу Малахова кургана. Так в огне семнадцатого года революционные моряки грузили на платформы бронепоездов тачанки с пулеметами и отправлялись в бой за молодую республику.

Теперь снова бесстрашные черноморцы пошли в бой защищать родину.

Выслал своих проверенных делегатов линкор «Парижская Коммуна», «Красный Крым» с оркестром проводил своих. Миноносцы выставили сводный дивизион.

Остающиеся провожали уходивших почтительно-завистливыми взглядами. В бой идут ребята! Раньше всех встретятся с немцем, скрестят с захватчиками стальные штыки!

На лезвиях клинков дробится августовское солнце. Долог путь от Стрелецкой бухты до вздымающегося над Корабельной стороной замка учебного отряда, но весело блестят молодые глаза, крепко сжимают руки ремни винтовок.

Это была первая выставленная Севастополем бригада морской пехоты, названная седьмой бригадой. Она рождена флотом в трудные для родины дни, брошена в бой на защиту Крыма и главной базы флота. Дважды заслонила она грудью ворота вечно прекрасного Севастополя, — преградила путь наступающим дивизиям врага.

Краткая выписка из истории седьмой бригады гласит: «Приказом 0397 от 17 августа 1941 года полковник Жидилов назначен командиром седьмой бригады...» и далее: «23 августа 1941 года в бригаду прибыл батальонный комиссар тов. Ех-

лаков, назначенный Народным комиссаром Военно-Морского Флота на должность военкома бригады».

Гремели бои под Одессой. Используя преимущество вероломного нападения, прорывались немцы к Днепропетровску и Перекопу, рассчитывая одним ударом смять ряды защитников Крыма, прорваться к морю.

А в это время Жидилов и Ехлаков вооружали бригаду, организовывали, испытывали каждое ее подразделение. Так из отдельных, скрепленных умелой рукой звеньев создается мощная якорь-цепь, способная выдержать яростный натиск шторма.

Целые дни проводили Жидилов и Ехлаков на стрельбище, на плацу, где вспоминали моряки искусство штыкового боя, учились переползать по-пластунски, метко бросать гранаты.

— Разве так колот? Винтовку держи тверже, коротким ударом поражай врага. Уколи, и штык назад. Готовь его для нового удара, — учил молодого краснофлотца бывший танкист комиссар Ехлаков и, взяв оружие в руки, показывал, как надо колоть.

Высокий, по-юношески стройный, несмотря на свои сорок с лишним лет, полковник Жидилов обходил ряды бойцов своей бригады.

С такими можно воевать и побеждать. Не подведут в бою. Это подсказывал ему многолетний опыт, начало которому было положено еще в годы гражданской войны.

Фашистские дивизии подкатились к воротам Крыма, вплотную подошли к Перекопу.

И снова короткий приказ: «Первому и четвертому батальону седьмой бригады наименоваться первым и вторым перекопскими полками и немедленно двигаться на самый напряженный участок фронта в районе Перекопа».

Как на корабле, сыграли тревогу горнисты и стали в ружье краснофлотцы.

Капитан Сонин и Кирсанов повели славные полки на врага. С марша врезался первый перекопский полк в прорвавшиеся немецкие дивизии. Молниеносный удар моряков заставил откатиться немца на десять километров назад от Ишуня к Армянску.

Так 30 сентября 1941 года впервые встретились с врагом моряки седьмой бригады.

Весь месяц удерживали черноморцы фронт. Об их упорство, как волны о форштевень корабля, разбивались все попытки немцев прорвать линию обороны.

— Как дела? — спрашивали в тылу у вернувшихся с передовой позиции.

— Дела идут хорошо. Моряки-севастопольцы появились, — отвечали фронтовики.

На сожженных осенним знойным солнцем широких крымских степях отважно бились черноморцы.

Навсегда занесен в историю седьмой бригады

подвиг краснофлотца Зиброва. Ураганным огнем бил немец по идущим в контратаку морякам. Вспыхивали дымки разрывов, падали убитые и раненые. Пуля свалила начальника штаба полковника Гончарука. Бросился краснофлотец Зибров к раненому и во весь рост, под пулями, забыв об опасности, вынес полковника из боя, а затем спас еще четырех раненых товарищей.

Весь фронт отдал воинские почести телу героя-краснофлотца Голубова.

Выоили моряки из окопов немцев, но вдруг увидел Голубов, что фашистский ефрейгор в упор целится в его командира... Не было патронов в винтовке героя. И краснофлотец бросился вперед, заслонив своей грудью командира.

Пришло время и остальным батальонам седьмой бригады выступить на фронт к Черекопу.

Много можно было написать о молниеносных маршах бригады, о хладнокровии и бесстрашии ее командиров, не раз находивших выход из затруднительных положений.

Сдерживая и отражая удары численно превосходящего противника, моряки дрались под Княжевичами, Темешем, Симферополем.

В этих боях был ранен полковник Жидилов. Раненый, он продолжал командовать бригадой.

Обходя Симферополь с запада, противник на танках и бронемашинах просочился в район Булганака и в долину реки Альмы, полукольцом охватывая бригаду.

Во что бы то ни стало прорваться к родному

Севастополю или со славой погибнуть в боях! — так решили командиры и бойцы бригады.

* * *

В жестоких сражениях, разрывая клещи противника у Альминской долины, преодолевая горный перевал по дороге от Симферополя на Ялту, седьмая бригада вышла из окружения. С марша заняла она оборонительный рубеж у Мекензиевых гор под Севастополем, преграждая врагу доступ в черноморскую столицу.

Это было в канун великого праздника 24-й годовщины Октябрьской революции.

Как всегда, в этот вечер собрались вместе командиры седьмой бригады, вспомнили пройденный путь, пережитые бои, погибших товарищей.

Дрожал голос комиссара Ехлакова, когда вспомнил он полковника Жидилова, которого считали погибшим в неравном бою. А полковник в это время выходил из окружения.

Вспомнили старшего лейтенанта Белозерцева, окруженного гитлеровцами.

Он имел возможность спастись, но во имя долга и спасения товарищей продолжал работу на своей радиостанции — предупредил радиogramмой идущие сзади части о появлении противника. Эта радиogramма стоила ему жизни.

Голос вождя, донесшийся к бойцам и командирам с октябрьского парада на Красной площади, вдохновил их на новые подвиги.

Бригада удерживала натиск свирепеющих гитлеровцев на решающем участке обороны города, пока командующий армией генерал-майор Петров не приказал отвести бригаду в резерв для использования ее, в случае необходимости, как ударной группы. В жестоких боях бригада провела девять дней — с 8 по 17 ноября.

Маневренная война превратилась в позиционную. Враг накапливал силы для нового удара.

Ранним сумрачным утром 17 декабря 1941 года, ровно через месяц, полукольцо севастопольского фронта от Качи до Балаклавы озарилось блеском выстрелов немецких орудий и окуталось пороховым дымом.

Началось второе наступление на Севастополь.

Немецкое командование стремилось во что бы то ни стало к новому году завладеть крепостью.

Напрягая все силы, фашисты пытались прорваться к Северной бухте с двух направлений: по Бельбекской долине и по долине Черной речки через селение Чоргунь:

И вновь на пути немцев в Чоргунскую долину встали доблестные бойцы седьмой бригады, брошенные на фронт по приказу командующего армией.

Немецкие солдаты рвались к городу.

Крутые Федюхинские высоты, знаменитое Итальянское кладбище, Безымянная высота, горные отроги, поросшие редким кустарником, держи-деревом, стали знамениты еще много лет

назад, со времени севастопольской обороны 1854 — 1855 годов.

И вновь закипели бои на крутых склонах сопков, и вновь русские богатыри одну за другой отражали яростные атаки противника.

Цвет румынской армии, отборная дивизия «Антей», головорезы-эсэсовцы были брошены в яростные атаки против седьмой бригады черноморцев. Солнце вставало и садилось за сопки под неумолкающий грохот разрывов. Слова приказаний командиров тонули в орудийном громе, но бойцы понимали все с одного взгляда, с одного жеста.

Во второй день наступления снова был тяжело ранен полковник Жидилов. Командование бригадой принял полковой комиссар Ехлаков.

Бросая в бой последние силы, немцы все еще рвались вперед.

В батальоне капитана Сонина осталось лишь семь человек. Тревога проникла в сердца бойцов капитана Подчашенского: нет патронов, нечем расстреливать наседающих пьяных гитлеровцев.

Там, где опасность была сильнее всего, где фронту угрожал прорыв, появлялась ладно скроенная фигура бывшего танкиста Ехлакова.

Не сгибаясь под пулями, в гуле канонады подбадривал он черноморцев:

— Ребята, неужели отступим? Ведь Севастополь за нами!

И мужество вновь наполняло сердца краснофлотцев. Крепче сжимали они винтовки и бросались вперед, куда звала протянутая рука комиссара.

А Ехлаков, между тем, приказал собирать у убитых и раненых патроны, держаться до последнего, пока не подвезут боезапаса. Он вызывал на помощь огонь бригадной артиллерии и снова исчезал, чтобы появиться там, где был нужнее всего.

Настал третий день неистовых боев. Мутное солнце тускло светило сквозь низко нависшие облака. Густая пелена дыма от разрывов закрывала поле боя. Итальянское кладбище несколько раз в день переходило из рук в руки.

— Сдавайся, Подчашенский! — нагло кричали немцы отважному командиру пятого батальона, когда тот во главе бойцов штурмовал крутую высоту, и били сверху из винтовки и пулеметов.

Штыковым ударом, массированным огнем минометной батареи ответили немцам бойцы Подчашенского, и фашисты не выдержали, высота была занята неустрашимыми бойцами.

Немцы выдохлись, приостановили наступление, ожидая подкреплений, а бойцы седьмой бригады, пользуясь передышкой, укрепляли занятые позиции, вгрызались в твердый, как железо, камень сопки.

В горячих боях за родину незаметные раньше люди превращались в героев.

Санинструктор краснофлотец Федоров увидел, что пал сраженный пулей командир части. Дрогнули бойцы под ураганным огнем противника. Минутное замешательство грозило потерей всего добытого ценою крови.

Тогда Федоров скомандовал: «За мной, ребята!» И первым бросился на врага сквозь огневую завесу.

За новым командиром двинулись краснофлотцы и смяли немцев. Командуя частью, Федоров в этом бою спас шесть раненых краснофлотцев и вынес из боя двух убитых, чтобы их трупы не остались на поругание врагу.

Не померкнет память и о зам. политруке разведчиков Голубовском...

Короткий приказ командования: «Взять высоту». Впереди роты, увлекая ее своим примером, пошел бесстрашный политрук.

За ним, цепляясь за выступы скал, за колючие ветки держи-дерева, обгоняя Голубовского, карабкались краснофлотцы. Враг не выдержал напора и бежал, бросая вооружение. Дзот, возвышающийся на вершине сопки, был захвачен.

Несмотря на раны, полученные в этом бою, Голубовский и краснофлотцы продолжали теснить врага.

Вражеская мина разорвалась у ног Голубовского. Сраженный тремя осколками, он подполз к пулемету и крикнул краснофлотцам, бросившимся, чтобы унести его с поля боя;

— Вперед, товарищи! Я буду стрелять лежа. Пулемет не замолчит, пока я жив.

Горячие бои не стихали до нового года. Наступательный порыв немцев был сорван.

* * *

Тридцать первого декабря 1941 года бригада перешла в наступление и, потеснив немцев, значительно улучшила свои позиции.

Краткая выписка о делах седьмой бригады дает представление о результатах этой борьбы.

«За месяц боев под Севастополем, с 17 декабря 1941 года по 17 января 1942 года, бойцами седьмой бригады уничтожено 49 огневых точек (батарей, дзотов, пулеметных гнезд) противника, подавлено 23 артиллерийских и минометных батареи. Артиллерией разбито 3 немецких склада с боезапасами, 30 машин и 15 повозок с боезапасами и военным снаряжением. В боях истреблено до шести тысяч фашистов, в том числе свыше ста офицеров.

Захвачено трофеев: станковых и ручных пулеметов — 40, минометов — 13, винтовок — 408, автоматов — 15, противотанковых ружей — 4, гранат — 24 и множество снарядов, мин и другого боезапаса».

В приказе командования дается оценка подвигам седьмой бригады на подступах к Севастополю.

19 февраля 1942 года

№ 6

Действующая армия

Товарищи бойцы, командиры и политработники героической седьмой бригады морской пехоты!

С первых дней великой отечественной войны с фашизмом в Крыму седьмая бригада морской пехоты с честью выполняет свой долг перед родиной, уничтожает врага, нанося ему значительные потери в людской силе и материальной части.

В историю борьбы за Севастополь навсегда будут вписаны боевые подвиги седьмой бригады, грудью своей, вместе со своей армией и в передовых рядах ее защищающей подступы к Севастополю.

Народная память сохранит имена мужественных защитников Севастополя — заместителя политрука Голубовского, капитана Подчашенского, краснофлотца Федорова и других.

Правительство высоко оценило отвагу и доблесть бойцов и командиров седьмой бригады морской пехоты, наградив личный состав орденами и медалями Советского Союза.

Поздравляю бригаду с высокой наградой и объявляю всему личному составу благодарность.

Особо отличаю боевые заслуги командира бригады полковника Жидилова и комиссара бригады бригадного комиссара Ехлакова, сумевших своей самоотверженной работой воспитать личный состав, способный героически отражать все попытки врага прорваться к Севастополю.

Да здравствует Красная Армия и Красный Военно-Морской Флот! Да здравствует великий вождь народов и наш полководец товарищ Сталин!

Командующий войсками Приморской армии генерал-майор Ив. ПЕТРОВ.

* * *

Горы нависают совсем над головой. Кажется, что находишься на дне глубокого обрыва. Враг занимает господствующие высоты, но спуститься вниз, прорваться в долину у него нехватает сил.

Капитан Подчашенский, командир батальона, стоит у порога своего командного пункта — землянки, на несколько метров уходящей в белый камень сопки.

— Здесь немцы, — показывая на вершину возвышающейся перед ним сопки, говорит Подчашенский. — Осторожнее, не вступайте на эту тропинку, она простреливается сверху. В этом месте на горе у моего немецкого противника майора Корнера установлен направленный вниз и закрепленный в ограничителях пулемет. Ступит невзначай кто-нибудь на эту тропинку — сверху сейчас же дают длинную очередь. Теперь немец тише стал. Несмотря на то, что он вверху, а мы внизу, инициатива у нас. Изматываем его, забиваем своим огнем. Так и всех командиров роты учу, — у кого в секторе днем немец безнаказанно стреляет, на того взыскания накладываю.

— Вот сопка, она в ваших руках, — говорит

капитан. — Взяли мы ее приступом и думали, как бы посильнее навредить немцам, пользуясь преимуществом в высоте. И придумали. Простую бочку из-под горючего наполнили взрывчатым веществом, подожгли бикфордов шнур и столкнули немцам на голову. То-то шума было. Разорвалась бочка в немецких окопах, многих поубивало. А главное, не дают спокойно жить гитлеровцам такие сюрпризы, изматывают, держат в постоянном напряжении.

Низенькая, но длинная «ленинская землянка». Вместо потолка — бревна и хворост. На стенках плакаты и лозунги, призывающие к смертельной борьбе с немецкими оккупантами. В глубине земляное возвышение в виде сцены, стол с двумя лампами. Художник-краснофлотец дорисовывает карикатуры в стенгазете. Маленький деревянный шкаф с надписью цветным карандашом через всю дверцу: «Книг без позволения не брать».

Таким теплом и уютom веяло в этой землянке, так мирно склонились над книгами посетители, что трудно было поверить: в какой-нибудь сотне метров сидят наши враги и каждое мгновение на крышу землянки может лечь фугасный немецкий снаряд.

Что же читают на фронте?

У краснофлотца Гайдая Салтыков-Щедрин, краснофлотец Кулаков дочитывает «Дубровского».

Общая тетрадь фронтового библиотекаря испещрена записями читателей.

На дворе темно, у немцев оживление. С невидимых вершин сопок то и дело срываются голубые молнии трассирующих очередей. Разрывные пули, попадая в камни, пощелкивают, как орехи.

Бесцельной истерической стрельбой стараются фашисты предупредить внезапное нападение.

В землянке командного пункта светло. На столе в добавление к обычному сытному ужину дымится целая миска горячей крупной картошки в мундирах.

— Ну, что ж, улыбнемся, — говорит капитан Подчашенский и достает темную бутылку с крымским вином.

«Улыбкой» прозвали это вино в седьмой бригаде. Оно разливается по жестяным кружкам.

В беседе выясняется, что «костер», то-есть ужин, прибыл сегодня во-время, «огурцы» — мины и снаряды — завтра пришлют в достаточном количестве.

Война приучает маскировать не только доты и дзоты, но мысли и слова, предназначенные к передаче по телефону.

— Эту картошку помогли нам отыскать немцы, — улыбаясь говорит Подчашенский. — Разрыв вражеской мины вскрыл целый склад картофеля, зарытого в землю.

В землянку собираются командиры и политруки рот. Стрелки часов показывают без двух минут двадцать два. Все в сборе. Начинается совещание.

Коротки и содержательны собрания на фронте.

Командир дает установки, все записывают. Изредка встают и задают скупые вопросы.

После совещания командир и комиссар тридцатой роты идут на передовые позиции, расположенные на южном склоне высоты.

Взошла луна. В трепетном свете ее четче и строже очертания гор. Немцы прекращают стрельбу. Тиха и спокойна фронтовая севастьяпольская ночь марта 1942 года.

Командир тридцатой роты Арсений Сивохин носит большие волнистые усы. Молодого лейтенанта, только в сорок первом году окончившего Черноморское военно-морское училище, можно принять за капитана или подполковника. Впрочем, это фронтовая мода. Многие командиры отпустили себе д'артаньяновские усы и бородки, придающие им вид мушкетеров, сошедших со страниц романов Дюма.

Сивохин хорошо знает все уловки и повадки немцев. Недаром ему поручено удерживать один из самых ответственных участков фронта.

Это в его роте отважный сын армянского народа связной Ероян Саркис показывал чудеса сноровки, когда в бою под обстрелом нужно было связаться с командным пунктом, а Куприян Бондаренко взорвал гранатами два немецких танка и снайпер Семен Ковалев, прочтя приказ товарища Сталина, уничтожил 11 фашистов, ранив еще пятерых.

° * °

Утром теплый дождь. Горизонт в туманной дымке.

На командном пункте батальона появились полковник Жидилов и комиссар Ехлаков, выехавшие осматривать позиции.

В касках и кожаных перчатках, запахнувшись в плащ-палатки, с автоматами в руках, у подножья сопки командир и комиссар бригады. Во всем их облике спокойствие и уверенность.

Дорога, прилегающая у подножья сопки, ведет к батальону, которым командует капитан Родин. В этом месте наши окопы находятся в сорока-пятидесяти метрах от немецких. Фашисты беспокоятся, часто постреливают.

Речка журчит неподалеку. Пахнет зеленью и весной. Лопаются набухшие почки.

— Недавно шли здесь жестокие бои, — вспоминает полковник Жидилов, — склоны сопки были усеяны трупами. И еще будут кровопролитные схватки. Не простим мы, никогда не простим немцам разграбленного Крыма, жестоко отомстим за все.

Тропинка поднимается в гору, ноги скользят по глинистым откосам. Капитан Родин на подошвах, как на коньках, съезжает навстречу и рапортует о состоянии батальона. Но Ехлаков и Жидилов не слушают рапорта и перебивают его замечаниями.

— Вы лучше доложите, почему у вас здесь немцы распоясались, стреляют днем и ночью, а вы помалкиваете.

Родня краснеет. Ему, видимо, неловко, что немцы действительно стреляют.

— Подтащить к передовым сорокапятимиллиметровую пушку и приготовить к действию пару минометов, — приказывает Жидилов.

В белых камнях сопки на передовой продолблены траншеи с насыпью, только закрывающей голову. Через ровные промежутки в стенах траншеи неглубокие ниши, убежища от дождя и снега, бойницы для станковых пулеметов, а впереди иссеченный пулями кустарник. Совсем близко насыпи немецких окопов, обнесенные проволочными заграждениями.

Над окопами посвистывают пули.

При появлении Жидилова и Ехлакова бойцы встают, уступают дорогу, провожают пришедших теплыми взглядами. Видно, знают и любят своих командиров герои передовых позиций.

— Товарищ командир бригады, — докладывает Жидилову помкомвзвода, молодой, шустрый краснофлотец Колусков, — неподалеку немец мельтешится. Разрешите снять его из винтовки.

Действительно, там, где среди кустов виднеется линия немецких окопов, то возникает на миг, то исчезает что-то черное, похожее на голову немецкого наблюдателя.

— Действуйте, только осторожно, — разрешает полковник.

Наступает напряженная тишина. Колусков кладет на бруствер винтовку, долго выжидает

появления немца, тщательно делится и нажимает спуск.

— Тыфу ты, пропасть, — смущенно бормочет Колусков, взматриваясь.

Голова немецкого наблюдателя снова осторожно появляется над бруствером.

Колусков еще тщательнее прицеливается. Видно, что он вкладывает в этот выстрел все свое уменье.

Резкий щелчок, — но выражение досады не сходит с открытого лица краснофлотца.

— Что за притча! Никогда такого не было, чтобы за сорок метров из винтовки не попасть, — говорит он и виновато оглядывается.

В эту минуту раздается сухой треск. Колусков медленно, как бы нехотя, склоняется набок. Пули свистят над окопом. Перехитривший нас немецкий снайпер хочет добиться еще большего успеха.

И вот уже Ехлаков, несмотря на опасность, наполовину высунувшись из окопа, разряжает весь диск своего автомата в ту сторону, откуда раздались выстрелы.

— Отомстить за Колускова! — яростно кричит он бойцам. — Минометный огонь! Перехитрил! На чучело поймал, — нервно дыша, говорит Ехлаков, и ноздри его раздуваются от едва сдерживаемой злобы.

Пока Колусков готовился стрелять, снайпер лежал в стороне и взял его на мушку.

Комом подступает к горлу терпкая ненависть.

— Минометы — огонь! — снова командует Ехлаков.

Три трубы ротных минометов выплевывают огонь и дым в сторону немцев. Видно, как, голубями кувыркаясь в небе, описывают траекторию и падают в немецкие окопы сделанные руками севастопольских рабочих, похожие на маленькие авиабомбы мины.

— Где сорокапятимиллиметровая? — спрашивает Ехлаков.

— Здесь, товарищ бригадный комиссар! — мгновенно откликается ожидающий приказа командир орудия. На его зеленой гимнастерке орден Красной звезды.

— По дзотам и блиндажам сволочей — огонь! Поворачивается дуло орудия, каким-то чудом втащенного на вершину крутой сопки и тщательно замаскированного ветвями.

Резко ударяют выстрелы. На сопке вздымаются клубы дыма. Метко и сильно бьет по блиндажам и дзотам горная пушка.

Как муравьи, выбегают фашисты и, настигнутые осколками, взмахивают руками, падают навзничь, чтобы никогда уже больше не подняться. Бойцы бьют по немцам из винтовок и пулеметов.

— Отомстим за Колузкова, — покрывая грохот стрельбы, снова гремит голос комиссара, и огонь становится еще чаще. Испуганные фашисты бегут, оставляя окопы.

Вечерет. Погода улучшилась: Из-за туч пробиваются лучи заходящего солнца. За голубой дымкой, плавающей на горизонте, скорее угадывается, чем просматривается Севастополь, за который борются и умирают бойцы бригады храбрых сердец.

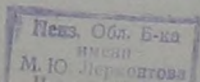
• • •

На улицах позванивают трамваи, продаются билеты на очередной сеанс в подземное кино, в убежищах занимаются дети, и живая история проходит перед их глазами. В мастерских, швальнях, военном порту идет торопливая напряженная работа.

Все для фронта! И мастерские, ранее чинившие примуса, выдвывают мины. Сестры и жены сражающихся рядом краснофлотцев шьют шинели и шапки. Фронт с избытком получает все необходимое.

Ночь спускается над фронтом. Все чаще и чаще с вершин срываются разноцветные молнии трассирующих пуль, завязывается ружейная перестрелка, зорче вглядываются в темноту часовые. И наглухо затемненный город погружается в непроглядный мрак.

Лишь изредка ночную тишину разрывает ставший уже привычным сигнал воздушной тревоги или разрыв ворвавшегося в дом фашистского снаряда, да оклик проходящего патруля: «Стоять, кто идет?»

Отзывы об этой книге и предложения по изданию серии
„Фронтальная библиотека краснофлотца“, а также днев-
ники, записи боевых эпизодов, очерки, рассказы, стихи и
песни Военно-Морское Издательство просит присылать
по адресу: Москва, 22, Малая Грузинская, д. 6.

Военмориздат

